

СЕРИЯ
ДЕДКЦИЯ

Артур Моррисон
Хроники
Мартина Хьюитта

ХРОНИКИ МАРТИНА ХЬЮИТТА

ARTHUR MORRISON

CHRONICLES OF MARTIN HEWITT

1895

АРТУР МОРРИСОН

ХРОНИКИ МАРТИНА ХЬЮИТТА

Издательство Самозанятый Кузнецов А.Г.

Тимашевск

2022

deductionseries.blogspot.ru

ТАЙНА КОТТЕДЖА «ПЛЮЩ»

Целый месяц я работал за двоих: по ночам, как обычно – для утренней газеты, а по утрам – для вечерней, подменяя другого человека, который ушел в отпуск. Такой распорядок дня был изнурителен, хоть работа в двух местах и занимала всего шесть часов в сутки. В редакции собственной газеты я появлялся около десяти вечера: встречался с редактором, выбирал тему, писал статью, исправлял ошибки, болтал, наводил порядок на рабочем месте... все это как правило оканчивалось к часу ночи. То есть лечь спать я мог только в два, а то и в три часа, после ужина в клубе.

В обычных условиях это было нормально, ведь я мог спать сколь угодно долго, но работая и на вторую газету, мне нужно было просыпаться около семи и приходиться в редакцию к восьми. Естественно, что к полудню я чувствовал себя измотанным, и это после всего двух часов работы над подготовкой передовицы и прочих мелочей.

Но этот ужас окончился, и впервые за месяц я позволил себе позавтракать в полдень и спокойно пролистать утреннюю газету. Меня очень заинтересовало начатое накануне расследование – оно касалось смерти одного человека, с которым я когда-то был немного знаком.

Его звали Гэвин Кингскуот, и он был свободным художником и, насколько я понял, располагал небольшим собственным

капиталом. В былые времена мы жили в одном доме, но так как я возвращался домой очень поздно, а уходил из дома очень рано, мы так толком и не познакомились. Впоследствии, насколько мне известно, он провернул несколько удачных сделок на бирже, и переехал в Финчли.¹

В газете сообщалось, что однажды утром он был найден мертвым в гостиной, которая пребывала в полном беспорядке, как и прочие комнаты в доме. Карманы покойного были опустошены, его часы, а также еще несколько ценных мелочей пропали. Вечером накануне трагедии в этой комнате с ним был приятель, он и оказался последним человеком, который видел мистера Кингскоута живым. Был арестован садовник, время от времени приходивший наводить порядок в саду – следы, найденные у французского окна гостиной, точно соответствовали его ботинкам.

Я закончил с завтраком и с газетой, когда миссис Клейтон, экономка, пришла, чтобы убрать со стола. Она была сестрой хозяйки дома, в котором ранее жили мы с Кингскоутом, собственно, так я и нашел свою нынешнюю квартиру. Я не видел ее с тех пор, как впервые сообщили о преступлении, так что я сказал:

– Миссис Клейтон, ужасные новости о мистере Кингскоуте. Вы знали его?

Судя по всему, она только и ждала подобного замечания, так как она тут же выплеснула на меня все, что она знала:

– Да, сэр, это ужасно! – вскричала она. – Бедный молодой человек! Бывая у сестры, я часто видела его, и он всегда был так мил и приятен, не то что некоторые. Моя сестра совершенно расстроена, уверяю вас, сэр. Как вы думаете, сэр, что произошло в прошлый вторник? Вы помните ту комнату, в которой мистер Кингскоут так чудесно расписал панели в золотых, голубых и розовых тонах? Он говорил моей сестре, что

1 Район Лондона.

из-за этого она всегда сможет вспоминать его. Итак, в той комнате поселились двое молодых... никак не могу назвать их джентльменами, сэр! Итак, эти двое вандалов соскребли всю краску с панелей и изрубили их в щепки! Вот такие вот джентльмены! А на следующее утро они сбежали, полагаю, испугавшись, что им придется оплатить убытки. Это произошло в прошлый вторник, а на следующий день и сам молодой джентльмен был убит в собственном доме, а ведь он как раз собирался жениться! Вот ужас-то! Помню, он говорил...

Миссис Клейтон была хорошим человеком, но начав говорить, она не могла остановиться. Какое-то время я позволял ей изливаться, а затем встал, собираясь выйти. Я хорошо помнил те панели, что были варварски уничтожены. Они просто преобразили старую комнату, придав ей красоту. Когда я съезжал, они еще не были окончены, и миссис Лэмб, хозяйка, показала их мне в тот день, когда Кингстон отсутствовал. Стены дома были обиты белыми панелями, и Кингскоут изрисовал их эксцентричными, но милыми узорами, очевидно, вдохновившись работами мистера Уистлера.² Завитушки, цветы и бабочки причудливо заполняли панели, придавая обыденной комнате атмосферу богатства и элегантности. Разрушившие все это вандалы уничтожили лучшее, что было в комнате.

У меня не было никаких планов на день, и я заглянул в контору Хьюитта. Тот читал записку – вскоре он сообщил мне, что час назад, когда он отсутствовал в конторе, ее оставил брат того самого художника.

– Он не вполне удовлетворен тем, как полиция ведет дело, – заметил Хьюитт. – Он просит меня приехать в Финчли и

2 Джеймс Эббот Мак-Нейл Уистлер (1834–1903) – американский художник, мастер живописного портрета, а также офорта и литографии. Один из известных тоналистов – предшественников импрессионизма и символизма. Приверженец концепции «искусство ради искусства».

осмотреться. Вчера мне бы пришлось отказать ему, ведь я веду сразу пять дел, но сегодня обстоятельства позволяют мне выделить на это день-другой. Говоришь, ты знал погибшего?

– Весьма поверхностно. Когда я жил в Челси, он был квартирантом в том же доме, что и я.

– Ну, хорошо; думаю, я должен посмотреть. Тебе интересен этот случай? Если ты не занят, не хочешь ли ты пойти со мной?

– Буду очень рад, – ответил я. – У меня все равно нет никаких планов на сегодня. Ты отправишься туда прямо сейчас?

– Думаю, да. Керретт, поймите кэб. Кстати, Бретт, в какой из газет дознание описано лучше всего? По пути я просмотрю ее.

Я не смог ответить на вопрос Хьюитта, поскольку сам я видел только одну газету. Так что мы купили несколько разных изданий. Оказавшись в кэбе, я нашёл нужные заметки, и Мартин Хьюитт изучил их. В целом, дело представлялось так:

Сара Додсон, служанка, заявила, что работает в «Плюще», то есть в доме покойного, пять месяцев, и кроме нее в доме есть только одна служанка – экономка и повариха в одном лице. Вечером минувшего вторника обе служанки пошли спать незадолго до одиннадцати, оставив мистера Кингскоута наедине с его другом в гостиной. После этого она уже не видела хозяина живым. На следующее утро, собираясь открыть окна гостиной, она, к своему ужасу, обнаружила там тело мистера Кингскоута с окровавленной головой. Она немедленно подняла тревогу и по приказу экономки, вызвала врача и сообщила в полицию. Отвечая на вопросы, свидетельница показала, что ночью она не

слышала никакого шума и не замечала ничего подозрительного.

Ханна Карр, экономка и повариха, показала, что была в услужении у покойного мистера Кингскоута с тех самых пор, как тот поселился в коттедже «Плющ», то есть более года. В последний раз живым она его видела во вторник вечером, в половине одиннадцатого. Она постучала в дверь гостиной, где мистер Кингскоут был со своим другом. Она хотела знать, не требуется ли от нее чего-то еще. Не получив никаких приказаний, вскоре она отправилась спать. Утром ее позвала предыдущая свидетельница, которая только что спустилась и обна-

ружила тело покойного, как и описывалось раньше. Часы и цепочка последнего пропали, как и кольцо, которое тот обычно носил, а его карманы, были возвращены. На всем первом этаже был беспорядок: бюро, письменный стол и все ящики были открыты, а в замочной скважине осталась висеть связка ключей, которую покойный обычно держал при себе.

Во вторник покойный взял в банке немного денег на текущие расходы; она не знает, какую именно сумму. Ночью она не слышала и не видела ничего подозрительного. Помимо нее и Додсон в доме не было постоянных слуг; иногда приходила уборщица, а также неподалеку жил садовник, к которому обращались при необходимости.

Следующим показания давал мистер Джеймс Уидлер, хирург. Первая свидетельница вызвала его утром в среду, между семью и восемью часами утра. Он отчитался о положении тела: мертвец лежал лицом вниз на полу, его ноги были в восемнадцати дюймах от окна, а голова – у камина. На голове были три раны, одна из которых, вероятно, и стала причиной смерти. По-видимому, все они были нанесены одним и тем же тупым предметом – например, дубинкой или кистенем. Они не могли быть нанесены кочергой. Смерть наступила в результате сотрясения мозга, и когда свидетель

впервые увидел покойного, тот был мертв уже семь или восемь часов. Впоследствии свидетель осмотрел его более тщательно, но так и не нашел никаких следов борьбы; судя по положению ран и их тяжести, он должен был заключить, что на покойного неожиданно напали сзади, и смерть была мгновенной. Судя по состоянию трупа, здоровье покойного было отличным.

Показания дала и полиция. В них говорилось, что запорты были все окна и двери, за исключением парадной двери – она хоть и была закрыта, но не заперта. Ставни на французских окнах гостиной были запорты. Ни в столе, ни в открытых ящиках не нашлось никаких денег; если там что-то и хранилось, то оно было украдено. В карманах не было ничего, за исключением маникюрных ножниц, а на теле не было ни часов, ни кольца. На садовой клумбе остались следы, так что полиция смогла предпринять определенные шаги. Но на садовых дорожках не было никаких следов, так те были покрыты гравием.

Мистер Александр Кэмпбелл, биржевой маклер, заявил, что знал покойного несколько лет и вел его дела. Они с мистером Кингскоутом часто посещали друг друга, и в ми-

нующий вторник они ужинали в коттедже «Плющ». Они беседовали почти до полуночи, после чего мистер Кингскоут сам выпустил его, так как слуги уже легли спать. Здесь свидетель возбужденно добавил: «Вот и все, что я знаю об этом ужасном деле, и больше я не могу ничего сказать. Чего добивается полиция, повсюду следуя и шпиона за мной...».

Коронер: Мистер Кэмпбелл, прошу, успокойтесь. В делах такого рода полиция действует так, как считает нужным. Я уверен, вы бы не захотели, чтобы они упустили какую-нибудь возможность выяснить правду.

Свидетель: Конечно. Но если они подозревают меня, то почему не говорят об этом? Это невыносимо – быть...

Коронер: К порядку, к порядку, мистер Кэмпбелл. Вы здесь для дачи показаний.

Тогда свидетель, отвечая на вопросы, показал, что французское окно в гостиной на протяжении всего вечера оставалось открытым, ведь погода была очень теплой. Он не может припомнить, закрыл ли его покойный перед тем, как проводить гостя, но он определенно не закрывал ставни. Уходя, свидетель не видел никого поблизости дома.

Мистер Даглас Кингскоут, архитектор, заявил, что покойный был его братом. Они не виделись несколько месяцев, так как он проживает в другой части страны. Он уверен: его брат был состоятель-

ным человеком, так как за последние год-другой он провернул несколько хороших сделок. Не зная никого, кто мог бы желать брату зла, он не может предположить иного мотива, чем обычное ограбление. Через несколько недель его брат должен был жениться. Отвечая на дальнейшие вопросы по этой теме, свидетель показал, что брак должны были заключить еще год назад, когда покойный приобрел коттедж «Плющ». Но невеста понесла тяжелую утрату, была в трауре и вместе со своей семьей уехала за границу. По мнению свидетеля, она вскоре должна вернуться в Англию.

Уильям Бейтс, приходящий садовник, был взят под стражу. Ему зачитали предупреждение о правах, но он согласился дать показания. Свидетель, в состоянии возбуждения, признался, что в четыре часа утра он был в саду, но только для ухода за растениями, а об убийстве он ничего не знал. Вместе с тем он признал, что у него не было другой работы кроме той, которую он закончил накануне. При дальнейшем допросе свидетель сделал еще несколько противоречивых заявлений и в конце концов сказал, что приходил, чтобы выкопать несколько растений.

Затем дознание было отложено.

Так обстояло дело – в нем не было ничего особенного, хотя мне показалось, что некоторые его аспекты стоят внимания. Я спросил Хьюитта, что он думает.

– Пока что совершенно невозможно составить мнение, старина. Погоди, пока мы не осмотрим место преступления. Есть множество вероятностей. Например, друг Кингскоута, Кэмпбелл, мог и вернуться – кстати, через французское окно. Может быть, Кэмпбелл задолжал ему, а может и нет. Может, все как-то связано с предстоявшей свадьбой, а может и нет. Вероятностям нет предела, и сообщения в газетах – лишь сухая шелуха. При ближайшем рассмотрении мы сможем изучить другие возможности, исходя из более детальной информации. Вполне возможно, что несчастный садовник совсем не виновен. Мне кажется, что он пошел на сравнительно безобидную хитрость, что не такая уж и невидаль для его профессии. В четыре утра он пришел, чтобы выкрасть немного цветов, высаженных им накануне. И когда его стали расспрашивать об этом, он почувствовал себя неловко. Какие у него еще могли быть причины топтаться по клумбам? Интересно, осмотрела ли грядки полиция на предмет выкорчеванных цветов? Они также могли спросить экономку, не пропали ли какие-нибудь растения. Посмотрим.

Мы болтали о том о сем, пока поезд не подошел к Финчли, и среди прочего я упомянул о вандалах, которые разгромили старую квартиру Кингскоута. Это заинтересовало Хьюитта.

– Занятно, очень занятно, – пробормотал он. – Что-нибудь еще было повреждено? Мебель, например?

– Не знаю. Миссис Клейтон ничего об этом не говорила, а я не спрашивал. Дело и без того неприятное. Роспись была по-настоящему хорошей, и я не могу себе представить большей подлости, чем так поглумиться над собственностью приличной женщины.

Затем Хьюитт заговорил о других случаях вандализма, ставшего следствием то ли странного чувства юмора, то ли излишнего озорства. Он привел несколько курьезных и забавных случаев в музеях, ущерб от которых был столь велик, что для обнаружения преступников обращались к нему. Находить виновных было не всегда легко, поскольку у них не было разумного мотива; так что такие расследования не всегда были успешны. Одно из этих дел касалось порчи картины из-за слепой зависти художника-соперника. Дело было замято путем крупного возмещения убытков. Если бы я только мог назвать имена причастных к нему лиц, это сильно удивило бы многих читателей.

Коттедж «Плющ» в Финчли был небольшим домиком, расположенным в небольшом саду, – всего в треть акра, не больше. Парадная дверь была всего в дюжине ярдов от дороги, но хорошо укрыта зарослями деревьев и кустарников. Мистер Даглас Кингскоут еще не вернулся из города, но экономка, почтенная умная женщина, была готова показать нам дом, зная о намерении своего хозяина обратиться к Мартину Хьюитту.

– Первым делом я заметил: кто-то закрыл все ящики и стол, – заявил Хьюитт, когда мы оказались в гостиной. – Это досадно. И, что гораздо хуже, пол вымыли, а ковер убрали. Полагаю, это из-за того, что полиция уже окончила свой осмотр, а мой осмотр от этого отнюдь не выиграет. Осталось ли хоть что-нибудь на том же месте, где оно было во вторник утром?

– Сэр, понимаете ли, все было в таком беспорядке, – начала экономка, – а полиция окончила свою работу...

– Ясно. Вы привели всё в порядок? Ох, уж этот порядок! Он мне часто дорого стоил. Что касается остальных комнат, в них вы тоже навели порядок?

– Конечно, я убрала все комнаты, которые были в беспорядке, сэр.

– В беспорядке? Позвольте осмотреть их. Но погодите минутку.

Хьюитт распахнул французское окно и внимательно осмотрел шпингалеты. Опустившись на колени, он осмотрел пазы, в которые входили задвижки, а затем быстро взглянул на став-

ни. Он открыл ящик-другой и попытался открыть замки ключами, принесенными экономкой. Она пояснила, что это ключи мистера Кингскоута. Во всех комнатах первого этажа Хьюитт некоторые предметы изучал пристально, а другие осматривал лишь поверхностно – по непонятному мне принципу. Затем он попросил показать ему спальню мистера Кингскоута. Поскольку порядок в ней не был нарушен, то после обнаружения преступления там никто не убирал. Там, по словам экономки, были не заперты все ящики, за исключением двух – одного ящика в шкафу, и второго в туалетном столике. Их мистер Кингскоут всегда держал запертыми. Хьюитт немедленно и без затруднений выдвинул оба ящика. В них находились бумаги и всякая всячина. Содержимое этих ящиков было в хаотичном беспорядке, тогда как в незапертых ящиках вещи лежали очень аккуратно.

– Вероятно, полиция не обратила на это внимания, – заметил Хьюитт. – Как и на такую обычную вещь, – добавил он, указав на погнутый гвоздь, лежавший у края ковра.

Экономка не заметила за этими словами никакого подвоха, ведь это был всего лишь гвоздь, но я увидел, что Хьюитт быстро спрятал его в карман.

Мы направились к выходу. В воротах мы встретили мистера Дагласа Кингскоута, который возвращался из города. Он представился и удивился, что мы были так недолго и уже уходим.

– Мистер Хьюитт, за столь короткое время вы ведь не могли найти никакого следа? – спросил он.

– Да нет, – довольно сухо ответил Хьюитт. – Но задержись я хоть даже на месяц, я вряд ли смог бы извлечь больше из тщательно вымытого пола и приведенных в порядок комнат. Честно говоря, не думаю, что вам стоит от меня чего-то ожидать. У полиции намного больше шансов – они могли обследовать место преступления. А я всего лишь осмотрел несколько

комнат, увидев то же, что можно было бы увидеть в любом меблированном доме. Следы работы горничной перекрыли все остальные.

– Мне очень жаль; я большего ожидал от полиции, да и меня не было здесь, так что я не мог предотвратить уборку. Но я все-таки думаю, что ваши известные способности...

– Уважаемый сэр, мои «хорошо известные способности» – это всего лишь добросовестное использование здравого смысла. Но с его помощью нельзя увидеть невидимое.

– Но разве мы не можем вернуть комнаты в то состояние, в котором они были? Кухарка может припомнить...

– Нет, нет. Так станет еще хуже: старания кухарки только наложатся на усилия горничной. Лучше оставьте это дело мне.

– Так вы не бросаете дело? – удивился мистер Кингскоут.

– О, нет! Пока что я не бросаю его. Знаете ли вы что-нибудь о личных бумагах вашего брата?

– До его смерти я ничего не знал о них. Я просмотрел их, но это всего лишь заурядные письма. Подозреваете, что вор мог украсть бумаги?

Держа руки на трости у себя за спиной, Мартин Хьюитт внимательно взглянул на собеседника и покачал головой:

– Нет. Я бы так не сказал.

Пожелав Дагласу Кингскоуту доброго дня, мы направились к вокзалу.

– Так досадно из-за того, что все прибрали, – заметил Хьюитт. – Останься все нетронутым, к этому времени расследование могло бы быть окончено. Но, как бы то ни было, нам нужно съездить и на твою старую квартиру.

– Мою старую квартиру? – удивился я. – Почему?

Широко улыбнувшись, Хьюитт повернулся ко мне.

– Потому что это единственное место, где можно увидеть повреждённые панели, – пояснил он. – Это ведь в Челси?

– Да, в Челси. Но почему... Ты предполагаешь, что те вандалы могли не только разломать панели, но и убить расписавшего их художника?

– Если так, – снова улыбнулся он, – то их баловство зашло слишком далеко, не так ли? Для обычного вандализма как-то чересчур.

– Так значит ты не думаешь, что что они виновны в убийстве? Тогда что ты имеешь в виду?

– Старина, я не имею в виду ничего кроме того, что я сказал. Дело кажется довольно интересным, хотя на первый взгляд и не выглядит таковым. Оно увлекло меня, и так сильно, что я забыл принести соболезнования Дагласу Кингскоуту по поводу его утраты. Задача есть задача, будь то кража, убийство, происки или что-то еще, и я думаю только о решении проблемы. Зачастую работа заставляет меня забывать о человеческих чувствах. Ты часто проявлял лстящий мне интерес к моей работе, и теперь у тебя есть возможность поупражнять свой здравый смысл – так же как я постоянно упражняю свой. Ты должен увидеть все улики, которые я соберу (если только мне удастся найти хоть что-то), и ты должен составить собственное умозаключение. Это будет задачей для тебя; будь у меня ученик, я бы давал ему такие задачки. Так что я поделюсь с тобой своей информацией, и дерзай. Ты знаешь все, о чем говорилось на дознании, и ты видел все, что я делал в коттедже «Плющ»?

– Думаю, да. Но это мне ни о чем не говорит.

– Хорошо. Тогда послушай меня. На что похож этот случай? Как бы ты классифицировал это преступление?

– Так же, как и полиция. Обычное дело об убийстве и ограблении.

– Это вовсе не обычное дело. Будь это так, я не смог бы узнать даже той малости, которую уже знаю. Обычные дела всегда трудны. Хоть преступник и был опытным взломщиком, но

пришел он не ради кражи. Думаю, дело никак не связано ни с ожидаемой женитьбой, ни с Кэмпбеллом – по меньшей мере, с ним лично, ни с садовником. Преступник был знаком с убитым, и он был хорошо одет. Он (или один из них – мне кажется, что их было двое) успел поговорить с мистером Кингскоутом прежде, чем произошло убийство. Он пришел попросить что-то, с чем мистер Кингскоут не желал расставаться. А может, у

мистера Кингскоута и не было этой вещи. И она не была громоздкой. Теперь у тебя есть та же информация, что и у меня.

– Но при чем здесь слепая озлобленность, побудившая кого-то сперва разрушить труд человека, а затем напасть на него самого?

– Озлобленность не всегда слепа, да и слепой бывает не только злоба – люди с прекрасным зрением иногда бывают слепы, даже детективы.

– Но откуда у тебя вся эта информация? Как ты пришел к выводу, что грабитель не хотел грабить, что он был хорошо одет и так далее?

Хьюитт снова улыбнулся.

– Я увидел это, старина, просто увидел. А вот и поезд.

По пути в город, после того, как я подробно описал роспись Кингскоута на панелях пансионата, Хьюитт попросил меня припомнить имена и профессии моих соседей по пансионату.

– Когда ты съехал оттуда? – также спросил он.

– Года три назад, а может и больше. Я помню самого Кингскоута; студента-медика – по-моему, Джеймса Тернера, Харви Чаллитта, подмастерья ювелира, он оказался мошенником и сейчас отбывает срок в пять лет за подлог (кстати, он занимал ту комнату, которую мы собираемся осмотреть – после того как его арестовали, его комнату занял Кингскоут, это было за год до того, как я съехал). Еще там был Нортон – не знаю толком, чем он занимался; полагаю, чем-то в Сити³; и Картер Пэдджет из адмиралтейства. Сейчас я больше никого не помню, но жильцы часто сменялись. Но ты, конечно, сможешь узнать об этом и у миссис Лэмб.

– Конечно. Какой у нее адрес?

Я продиктовал ему адрес, и наш разговор увял. На вокзале Фаррингдона мы вышли, и Хьюитт нанял два экипажа. Забираясь в один из них, он указал мне на второй, сказав:

3 Деловой центр Лондона.

– Отправляйся напрямиком к миссис Лэмб. Она может сжечь обломки панелей или навести порядок, а ты можешь успеть остановить ее. Я же должен навести справки, но я приеду не позднее, чем через полчаса после тебя.

– Должен ли я рассказать ей о нашей цели?

– Скажи только о том, что я попытаюсь отыскать ее вандалов, не больше.

Хьюитт запрыгнул в свой экипаж и был таков.

Миссис Лэмб я застал всё ещё раздражённой из-за происшедшего четыре дня назад. К счастью, она оставила комнату с панелями точно в таком же виде, в котором она была, в надежде на то, что это поможет ей добиться возмещения ущерба, если жильцы все-таки вернуться.

– Видите ли, сэр, – пояснила женщина, – они уплатили за комнату до конца недели, так что еще могут вернуться, хоть я и сомневаюсь в этом. Тот молодой человек казался таким приятным. «Мой кузен практически инвалид, – сказал он, – он только что оправился от болезни легких и приедет в Лондон только поздно вечером. Он едет из Бирмингема, и хоть мы его и очень хорошо укутали, я опасаясь, как бы он снова не простудился». Снимая комнату, он вел себя как джентльмен, упомянув имена нескольких знакомых мне джентльменов, которые прежде жили здесь. А затем он положил на этот самый столик, – миссис Лэмб указала рукой, словно это делало рассказ еще более удивительным, – он положил на этот столик недельную плату, сказав: «Полагаю, это наилучшая рекомендация, миссис Лэмб». Он не торговался об оплате, и вообще в отношении чего-либо еще. У него была лишь небольшая сумка; он сказал, что весь багаж находится у его кузена в поезде, и поскольку его очень много, багаж прибудет только на следующий день. Затем он вышел и вернулся только в одиннадцать ночи – со своим кузеном. Их впустила Сара, а на утро их уже не было! После себя они оставили вот это, – бед-

ная миссис Лэмб с возмущением указала на разломанные панели. – Если джентльмен, о котором вы говорили, сможет разыскать тех негодяев, то я подам на них в суд, пусть это и будет мне стоить десяти фунтов. Я уже говорила об этом с констеблем, но он выглядит глупцом. По его словам, если я знаю, где они, то смогу подать на них в суд, обвинив их в причинении ущерба. Понятно, что если бы я знала, где они, я смогла бы пожаловаться на них, но как же мне их найти? Мистер Джонс назвал мне свою фамилию, но сколько в Лондоне этих Джонсов?

Я не представлял себе, что отвечать на такой вопрос, но, насколько смог, попытался посочувствовать миссис Лэмб. Далее она, подобно своей сестре, выразила соболезнования по поводу смерти мистера Кингскоута, но поскольку ее мысли занимал акт вандализма, она снова перескочила на него.

– Выглядит так, – сказала она, – словно некий недоброжелатель одним вечером разрушил труды молодого джентльмена, а спустя сутки убил и его самого!

Я внимательно осмотрел разрушенные панели, питая смутные надежды самостоятельно прийти к неким выводам. Но увы – я не мог сделать никаких выводов. Панели, утолщенные в центре и утоньшающиеся к краю, были вырваны из окантовки и буквально расколоты в щепки – те лежали кучей в камине и на полу. Все панели в комнате были разбиты подобным образом, в результате чего образовалась куча обломков, которые отличались от вороха для растопки разве что тем, что с одной стороны они были окрашены. Да и то, как я заметил, во многих местах краска была ободрана. Ковер лежал у камина – видимо, он использовался, чтобы заглушить шум. Вандализм, глупый и бессмысленный – вот и весь вывод, какой я только смог сделать.

Кузена мистера Джонса видела лишь Сара – тем вечером она впустила его дом, но он был до того закутан, что она толком не разглядела его и не смогла бы узнать, увидь она его еще

раз. Что же касается самого мистера Джонса, то миссис Лэмб была уверена: она сможет узнать его.

Хьюитт задерживался, и я успел проголодаться (ведь мы не обедали) еще задолго до того, как звонок в дверь известил о прибытии сыщика.

– Мне нужно было дождаться ответа на телеграмму, – пояснил он, – но теперь у меня есть запрошенная информация. А это те самые панели, не так ли?

Было бы интересно узнать, что же подумала миссис Лэмб о дальнейшем поведении Мартина Хьюитта. Она в изумлении наблюдала за тем, как он поочередно брал щепку за щепкой, пристально разглядывая их, как будто это помогло бы разыскать негодников, расколотивших панели. Наконец, Хьюитт собрал пригоршню обломков и протянул ее мне:

– Бретт, сложи их на столе. Посмотрим, к каким выводам ты придешь.

Я перевернул обломки окрашенной стороной вверх и сложил их в целую панель, точно воссоздав рисунок.

– Это целая панель, – сказал я.

– Хорошо. Теперь присмотришься к обломкам повнимательней и скажи, заметил ли ты что-то особенное? Отличаются ли какие-нибудь из них от прочих?

Я присмотрелся.

– Вот у этих двух на краях есть полость, заполненная какой-то замазкой. Соединенные вместе, они образуют круглое отверстие, возможно, дупло, диаметром с полдюйма.

– Дупло? – переспросил Хьюитт.

– Ну, не дупло, дыра ведь не сквозная. Так, углубление, на верное, с полдюйма.

– Что-то еще? Присмотришься к древесине. Например, ее цвету.

– Он явно темнее, чем у остальных обломков.

– Это так, – Хьюитт взял два обломка с углублениями, смахнул остальные в кучу и обратился к хозяйке: – До мистера

Кингскоута эту комнату занимал Харви Чаллитт, он еще попал в неприятности из-за подлога. Не у него ли за несколько месяцев до ареста украли бриллианты?

– Да, сэр, – недоуменно ответила миссис Лэмб. – На него напали, усыпив хлороформом, прямо на лестнице его конторы.

– Точно, а затем, когда его арестовали за подлог, мистер Кингскоут перебрался в его комнату?

– Да, и это очень обрадовало меня. После того позора, который выпал на мой дом, было бы трудно найти жильцов для той самой комнаты, и я думала...

– Да, это была очень неловкая ситуация, – нетерпеливо перебил ее Хьюитт. – Вернемся к тому человеку, который арендовал комнату в этот понедельник – вы ведь никогда не видели его прежде, так?

– Да, сэр.

– Похож ли на него этот человек? – Хьюитт протянул хозяйке фотографию.

– Ну... да, это он!

Удовлетворенно хмыкнув, Хьюитт вернул фотографию обратно в карман жилета и взялся за свою шляпу.

– Полагаю, вскоре мы разыщем этого молодого джентльмена, миссис Лэмб. Это не особо респектабельный джентльмен, и, вероятно, это даже к лучшему, что у вас он не проживает. Бретт, пошли, – добавил он, – этот день прошел не зря.

Мы направились к ближайшему телеграфу. По пути я спросил:

– Это заштукатуренное дупло в куске дерева воодушевило тебя. Это что, важная улика?

– Да. Но и другие куски тоже важны.

– Но почему?

– Потому что в них нет отверстий, – сыщик взглянул на мое удивленное лицо и рассмеялся. – Пошли, больше я не стану озадачивать тебя. Вот и почта. Я отправлю телеграмму, а затем мы пообедаем у «Лузатти».

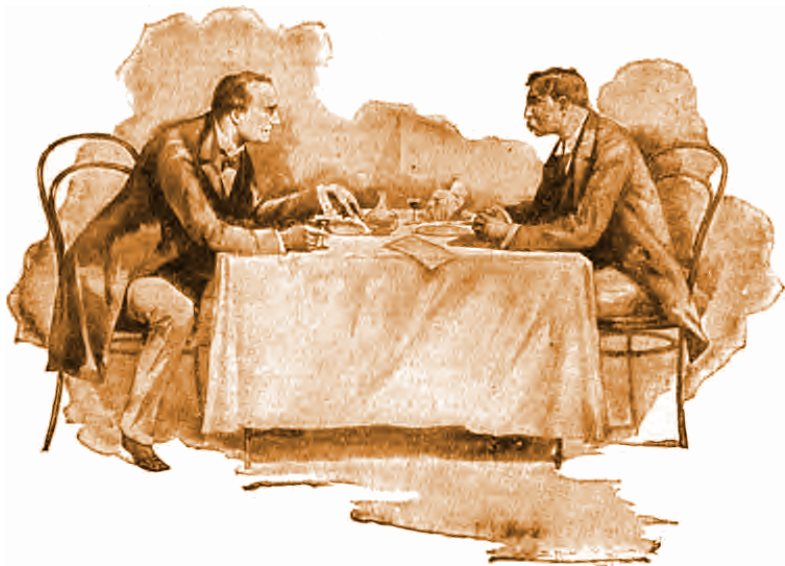
Когда Хьюитт отправил телеграмму, мы отправились к «Лузатти». Среди актеров, журналистов и прочих ценителей хороших обедов ресторан «Лузатти» был хорошо известен. В поисках тихого и спокойного места мы поднялись наверх и сели за столик в нише прямо за дверью. Заказав обед, Хьюитт начал разговор:

– Расскажи, к какому ты пришел выводу насчет убийства в «Плюще»?

– Я? Ни к какому. Мне очень жаль, что я так глуп, но у меня нет совсем никаких идей.

– Тогда я дам тебе точку отсчета. В этой газетной статье (ради тебя я выдернул ее из своего архива) говорится об ограблении Харви Чаллитта, оно произошло за несколько месяцев до его ареста. Прочитай ее.

– Но я и так хорошо помню обстоятельства того дела. Компания, в которой он работал, поручила ему отнести бриллианты в офис другой фирмы, на первый этаж. Это была самая незагруженная часть дня, и было безлюдно. На полпути вниз на

него набросились и усыпили хлороформом, украв бриллианты на пять или шесть тысяч фунтов – это были небольшие камни, каждый из которых стоил не больше тридцати фунтов. Чаллитт пролежал на лестничной площадке без сознания до тех пор, пока на него не наткнулся один из партнеров – тот обратил внимание, что Харви отсутствует слишком долго и пошел его искать. Вот и вся история.

– Да, это все. И к чему это приводит?

– Боюсь, что я не вижу связи между этими делами.

– Тогда я дам тебе еще одну наводку. Только что я отправил полиции телеграмму. Результатом должен стать арест Харви Чаллитта и его сообщника Генри Гилларда (также известного под именем Джонса). Их обвинят в убийстве Гэвина Кингсгута. Итак?

– Чаллитт! Но он же в тюрьме.

– Спокойно, просто поразмышляй. Его посадили на пять лет – хоть это и было его первое преступление, но подлог посчитали тяжким нарушением закона. Ты уехал из Челси более трех лет назад, и, как ты сам рассказал мне, проблемы у Чаллитта начались за год до того. То есть, четыре года назад. Примерное поведение в тюрьме позволяет сократить срок до этого или чуть меньшего периода. Как бы то ни было, Чаллитт вышел на свободу чуть более недели назад.

– Но я все еще не понимаю, к чему ты клонишь.

– Кто рассказал про то, как у Чаллитта украли бриллианты?

– Он сам.

– Точно. Он сам. А судя по тому, что мы знаем о нем сейчас, выглядит ли он как человек, рассказам которого нужно беспрекословно верить?

– Ну... нет. А, думаю, что понимаю! Хотя, нет. Ты имеешь в виду, что он сам их украл? Сейчас я смутно представляю, к чему ты клонишь, но все еще не могу понять до конца. Все вместе чересчур сложно сложить.

– Немного сложно, чтобы справиться с первой попытки, так что я все расскажу. Дело вот в чем. Харви Чаллитт – хитрый парень, решивший украсть бриллианты с места работы. Но сначала он подготовил тайник возле лестницы в своей конторе, а когда представилась возможность, он спрятал в него камни, плеснул хлороформа и даже вдохнул его – вот и все. Чаллитта нашли и принесли в контору, а драгоценности про-

пали. Он рассказал, будто на него напали, и ему поверили. Потом он забрал похищенное из тайника и отнес домой. Но что же ему делать с камнями? Он еще не мог продать их, поскольку все знали о краже, а сам он был хорошо известен среди ювелиров. Являясь новичком в криминальном мире, он не знал никаких скупщиков краденого, а если бы и знал, то все равно предпочел бы подождать, чтобы впоследствии продать бриллианты по полной цене. Если не спрятать добычу понадежнее, то всегда остается опасность оказаться разоблаченным, так что он придумывает новый тайник. Он знал: если появятся какие-либо подозрения, то его комната будет обыскана в первую очередь, так что он принялся искать тайник понеприметней. Конечно, он подумал о том, чтобы снять панели и спрятать украденное за ними. Но это слишком просто: полиция наверняка заглянула бы туда. Тогда он решил спрятать драгоценности в *самых* панелях. Смотри, – Хьюитт вынул из кармана две щепки с «дуплом» и перочинный нож. – У поверхности замазка мягче, нежели на дне ямки; может, это два разных вида замазки, смешанных с разным составом и в разное время. Но вернемся к Чаллитту. Готовя тайники, он выдалбливал в панелях углубления и помещал в них бриллианты, а затем скрывал их под слоем замазки. Работал он очень тщательно, заглаживая поверхность, а затем аккуратно покрывая ее краской – чтобы ничего не было заметно. Сделать все сразу он не мог – чтобы не выдать себя шумом и запахом краски. Так что действовал он шаг за шагом, делая всего несколько тайников за один раз. Наконец, все драгоценности оказались внутри панелей, которые выглядели совершенно нетронутыми.

– Но тогда почему во всем ворохе больше не было щепок с ямками?

– Из-за этого мы и смогли узнать, как все было! Но сначала я расскажу, как все произошло, а улики объясню потом. Не-

сколько месяцев бриллианты лежат в тайнике, и его терпение иссякает. Он хочет получить деньги, но не знает, как ему все проверить. В конце концов он решает сбежать за границу и продать добычу там. Он понимает, что ему нужны деньги на поездку, и что он вряд ли сможет продать бриллианты моментально. Также он понимает, что его неожиданный отъезд может вызвать подозрения – ведь ограбление все еще было на слуху. Заварил кашу, так не жалей масла – Чаллитт идет на дерзкий подлог, и если бы тот был успешным, ему хватило бы денег на отъезд за границу вместе с бриллиантами. Но подлог раскрыт, и Чаллитт отправляется в тюрьму, а драгоценности остаются в панелях.

Теперь перейдем к Гэвину Кингскоуту. Должно быть, он был проницательным человеком – из таких получаются хорошие детективы. Но он также был человеком не очень честным. Заподозрив, что с кражей бриллиантов что-то было не так, он насторожился. Неизвестно, что именно привлекло его внимание, но наблюдательный человек, живущий в том же доме, мог что-то заметить. Как бы то ни было, он пришел к выводу, что бриллианты все еще находятся в комнате вора, но не среди его вещей – иначе при обыске их бы обнаружили. И у него появился шанс. Чаллитт несколько лет не будет мешаться под ногами, так что времени хватит, даже если придется разобрать дом на части. И Кингскоут перебрался в комнату Чаллитта.

Мы никогда не узнаем, сколько времени ему потребовалось на то, чтобы найти тайник. Вероятно, сначала он перепробовал какие-то другие места, но наконец-то нашел бриллианты путём прокалывания панелей иглой. Затем перед ним встал вопрос о том, как вынуть их, не привлекая внимания. Он решил не прокалывать каждую панель, боясь, что так он может упустить бриллиант-другой. Вместо этого он решил рас-

колоть все панели в щепки, не упустив ни единого тайника. Он измерил и сосчитал все панели, заказав у столяра их точные копии. Хозяйке же он сказал, что намеревается разрисовать панели. Это объяснило бы свежую краску, а если бы хозяйка случайно заглянула в комнату в неподходящий момент, это помогло бы объяснить, зачем панели сняты со стен. Умно, не так ли?

– Очень.

– Да, он, вне сомнений, был сообразительным парнем. Итак, Кингскоут вынимал панели, подменяя их новыми, которые он разрисовывал, а старые разламывал, извлекая бриллианты и вынося обломки на улицу. Роспись украшала все больше и больше стен, а количество добытых драгоценностей все увеличивалось. Наконец, он дошел до последней панели, но оказалось, что он израсходовал все их новые копии, так что ему нечем было заменить оставшуюся. Должно быть, в тот день он не мог обратиться к столяру – может быть, тогда был праздник или воскресенье, а Кингскоуту не терпелось окончить работу. Так что он соскреб краску со старой панели, присмотрелся к поверхности (он уже знал, что искать, так как все тайники были одного типа), и он нашел последний бриллиант. Вынув его, он заполнил дыру замазкой, разрисовал панель и вернул ее на стену. Это щепки с той самой, старой панели – единственные из всего комплекта. Девять человек из десяти сбежали бы из того дома как можно быстрее, но Кингскоут был хладнокровен и остался. Так ситуация выглядела естественней, чем если бы он таинственно уехал сразу же после того, как красиво расписал свою комнату. Полагаю, стартовый капитал для торговли на фондовой бирже появился как раз от продажи бриллиантов. Он оставался в квартире, пока это его устраивало, а затем съехал, так как начал готовиться к свадьбе. Остальное достаточно просто. Ты ведь обо всем догадываешься?

– Да, – ответил я. – Наверное, я смогу додумать остальное, хотя бы в общих чертах. Но один-два момента остаются неясными.

– Все идеально просто. Послушай! Чаллитт, сидя в тюрьме, настроен забрать драгоценности после освобождения. Для того, чтобы сделать это, не вызывая подозрений, необходимо снять ту самую комнату, где они спрятаны. Но он знает, что не сможет сделать это самостоятельно: хозяйка, конечно, узнает его и не пожелает впускать в дом бывшего заключенного. С этим ничего не поделать – придется подыскать сообщника и поделиться с ним добычей. Так что он заводит дружбу с еще одним заключенным, который должен освободиться примерно в то же время, что и он, и должен подойти для его затеи. Когда они выходят на свободу, он договаривается со своим сообщником (известным взломщиком, но обладающим хорошими манерами), и тот идет в дом миссис Лэмб осмотреть комнаты. Нужная комната оказывается не занята, и он, конечно, снимает ее. А Чаллитт (тот самый «больной кузен») приходит ночью – закутаный и неузнанный. То, что панели оказались разрисованы, ничуть не насторожило их – они предположили, что краска нанесена на старые панели. Чаллитт проверил свои тайники, но бриллиантов в них не было – не было даже замазки. Наши жулики подумали: а может быть, во время ремонта панели поменяли местами? Как мы увидели, они их просто разломали, приходя во все большее отчаяние. Наконец, они поняли, что зашли слишком далеко, и улизнули, оставив миссис Лэмб оплакивать следы их бесплодных поисков.

Они поняли, что Кингскоут опередил их, так как из разговора с хозяйкой Гиллард (он же Джонс) узнал о том, как художник разрисовывал панели. Так что следующей ночью они направились в Финчли. Пробравшись в сад Кингскоута, они увидели, как тот проводил Кэмпбелла. Пока художник отсутствовал,

Чаллитт прошел в дом через французское окно, а Гиллард остался наблюдать снаружи. Кингскоут вернулся, и Чаллитт обвинил его в краже драгоценностей. Художник ответил презрением – Чаллитт бессилён что-то сделать, ведь и сам он является вором; кроме того, не было никаких улик, так как бриллианты были проданы давным-давно. Чаллитт предложил разделить добычу, но Кингскоут рассмеялся и велел ему убираться прочь; возможно, ввиду малого роста Чаллитта, он пригрозил, что сам вышвырнет непрошенного гостя. Стоявший у открытого окна Гиллард все услышал, шагнул внутрь и ударил художника по голове. Дальнейшее понятно. Преступники закрыли окна и ставни, чтобы их не смогли застать врасплох; вытащили все ящики в поисках драгоценностей; затем перешли в спальню и продолжали искать там. После безуспешных поисков и, возможно, потревоженный жадным садовником, появившимся через несколько часов после их начала, Гиллард подчинился воровскому инстинкту и не желая уходить с пустыми руками, опустошил карманы Кингскоута, забрав у покойника часы, цепочку и все остальное. Убийцы вышли через парадную дверь и заперли ее за собой. *Voilà tout.*⁴

Меня поразила находчивость Мартина Хьюитта – всего за несколько часов расследования он смог собрать воедино все части такого запутанного и таинственного дела. Но меня интересовало, как и где он нашел эти материалы.

– Хьюитт, нет сомнений, ты чуть ли не инстинктивно применяешь то, что называешь здравым смыслом. Но откуда берутся твои выводы? Ты сообщил мне, к каким заключениям пришел, осмотрев коттедж «Плюш», но не то, как ты эти заключения сделал.

– В гостиной осталось не так-то много улик, не правда ли? Но вот в спальне два запертых ящика выглядели небрежно

4 Вот и всё (фр.)

обысканными – вероятно, их открыли ключами из кармана убитого. На полу я заметил согнутый гвоздь; вот он. Как видишь, он дважды согнут под прямым углом – у шляпки и у острия. А вот и отпечаток плоскогубцев, которыми его стгибали. Это типичное приспособление грабителей – в опытных руках оно может послужить отмычкой для простых замков. Таким образом я узнал, что здесь поработал профессиональный взломщик. Вероятно, сначала он пытался открыть ящики гвоздем, но затем отбросил его и стал подбирать ключи из связки убитого. Но некоторые аспекты указывали: этот взломщик пришел не ради обычного грабежа. Столовое серебро не привлекло его, а ведь грабители первым делом забирают его. На каминной полке остались дорогие часы, да и многие другие вещи остались на своих местах, хотя обычно их крадут. Примечательно, что ни окна, ни двери не были разбиты или выломаны. Было ясно, что воры прошли через французское окно гостиной – это был единственный путь. Таким образом, они (или один из них) вошел, зная, что мистер Кингскоут не спит, и желая его увидеть. Обычные воры дождались бы момента, когда он пойдёт спать, а затем вошли бы через закрытое французское окно: те тонкие деревянные ставни не остановили бы взломщика, взломать их – дело пяти минут. Поскольку грабителям (или одному из них) не терпелось увидеть художника, становится вероятным, что они были знакомы. Обыск, который устроили взломщики, говорит, что они пришли за неким предметом. Судя по тому, что они забрали деньги и часы убитого и не взяли никаких крупных вещей, у них с собой не было мешка – это подтверждает, что пришли они не для грабежа (у каждого грабителя есть мешок для складывания добычи). Также становится ясно, что искомый предмет был небольшого размера. Правда, они могли бы украсть часы, столовое серебро и прочие предметы, завернув их в скатерть или что-то подоб-

ное, но прилично одетый человек с таким свертком бросался бы в глаза. Таким образом можно заключить, что убийцы были хорошо одеты. Я все понятно объяснил?

– Да, понятнее и быть не может – у сложных головоломок всегда простые разгадки.

– Я больше не мог найти никаких дополнительных улик в доме. У меня в голове крутилась мысль о странном совпадении – накануне убийства панели на квартире в Челси были разбиты в щепки. Так что я решил взглянуть на них. От тебя я узнал имя жильца, занимавшего ту комнату до Кингскоута, и я сразу же вспомнил (хоть и не сказал об этом), что на этого молодого человека напали с хлороформом, украв бриллианты его работодателя. Я запоминаю подобные происшествия и храню заметки о них. Ты сам рассказал мне о заключении Чаллитта; таким образом, дело стало принимать многообещающую форму.

Ты отправился в Челси, чтобы предотвратить любые попытки нарушить место преступления. А я тем временем навел справки о Чаллитте. Как оказалось, он освободился из тюрьмы всего за несколько дней до всех событий. Также я выяснил имя еще одного человека, вышедшего из тюрьмы за несколько дней до него. Я хорошо знал этого человека, Гилларда, и понимал, что он как никто подходит для совершения такого преступления, как то, что произошло в Финчли. По пути в Челси я заглянул к себе в контору: дать инструкции клерку и заглянуть в блокнот для вырезок. Там я нашел газетную статью о деле с хлороформом, а также фотографию Гилларда – я собираю подобные сведения. О моих действиях в Челси ты знаешь и так. Я увидел, что одна из панелей была из старой древесины, а остальные – из новой. Заметив «дупло» в старой панели, я задал один-два вопроса. Дело было окончено.

Мы вернулись к ужину. Мне пришёл в голову вопрос:

– Конечно, сейчас все зависит от полиции?

– Определенно. Думаю, что скорее всего Чаллитта и Гилларда арестуют. Гиллард хорошо известен полиции. Вот задача для оставшегося в живых Кингскоута: он позвал меня расследовать смерть брата, а я выяснил, что тот присвоил бриллианты. Но ничего не поделаешь. *Fiat justitia*⁵, конечно.

– Как же к этому отнесется полиция? Ты ведь обошел ее, а?

– О, с полицией все в порядке. У них ведь не было той информации, которая была у меня – про панели они не знали. Если бы миссис Лэмб обратилась в Скотленд-Ярд, а не к постовому полисмену, то ко мне, вероятно, и не пришлось бы обращаться.

Скромность, в силу которой Мартин Хьюитт называл свои дедуктивные способности «обычным здравым смыслом», побуждала его сохранять уважение к полиции, пусть иные и не соглашались с ним.

Мы сидели и беседовали за десертом, когда произошло одно из тех курьезных совпадений, которые периодически возникают в нашей жизни, но мы зачастую забываем о них, если только они не оказываются чем-то примечательны. В зал вошел молодой человек. Он занял угловой столик у окна в конце зала. Он просидел там какое-то время, прежде чем я обратил на него внимание. Наконец, он обернулся в мою сторону. Его худое лицо побледнело, и наши взгляды встретились. Это был Чаллитт – человек, о котором мы как раз говорили!

Я в волнении вскочил с места.

– Это он! – крикнул я. – Чаллитт!

Хьюитт встал и попытался удержать меня. Чаллитт, к своему ужасу, заметил, что мы находились между ним и дверью. Он развернулся, запрыгнул на подоконник открытого окна и

5 Первые слова латинского изречения «*Fiat justitia, et pereat mundus*», переводящегося как «Да свершится справедливость, даже если мир погибнет» (то есть независимо от практических последствий).

выпрыгнул наружу. Внизу раздался страшный звон битого стекла, и все бросились к окну.

Хьюитт оттащил меня к двери, и мы спустились.

– Жаль, что ты выдал себя, – сказал он по пути. – Если бы ты молчал, мы смогли бы легко вызвать полицию. Но теперь уже ничего не поделаешь.

Внизу Чаллитт лежал на куче обломков. Его окружила толпа сбежавшихся официантов. Он пробил толстое окно в крыше холла и теперь лежал на спине.

Его унесли на носилках, он был без сознания и через неделю умер от травм позвоночника.

Но до этого он успел прийти в сознание и сделать подробное признание – оно с удивительной точностью, вплоть до мельчайших подробностей, подтверждало выводы Мартина Хьюитта. Сразу же после преступления они с Гиллардом расстались, рассудив, что будет безопаснее больше не показываться вместе. Чаллитт утверждал, что после той ночи в Финчли он пережил такие муки от страха и раскаяния, что пару раз подумывал о том, чтобы сдаться. Но когда я внезапно узнал его, он сразу понял, что игра окончена, и воспользовался единственным (и безнадежным) шансом скрыться. Чаллитт до самого конца утверждал, что сам он не совершал убийства, у него и в мыслях не было такого варианта развития событий. Все это дело рук Гилларда, который прислушивался за окном и, поняв, куда клонится разговор, внезапно ударил кистенем Кингскота по затылку.

Итак, Харви Чаллитт окончил свою жизнь в возрасте двадцати шести лет.

Гилларда так и не арестовали. Нет никаких сомнений – он покинул страну и, вероятно, поселился за границей под другим именем (хотя оно также вполне могло попасть в сводки местной полиции – по иным причинам). Возможно, его даже повесили, и если это так, то не имеет значения, в чем его обвинял местный суд – казнь в любом случае была справедливой.

ДЕЛО О СЛИТКАХ С НИКОБАРА

I

Все плавание было неприятным, что немного извиняло дурное настроение капитана Макри из Англо-Малайской паровой компании «Никобар», хотя он и стал на редкость непопулярен среди экипажа. Четвертый и пятый помощники капитана уединились в своей каюте и, углубившись в поиски причин, высказали мнение, что для «старика» путешествие оказалось куда менее выгодным, нежели обычно; в последнее время компания стала снабжать корабли сама. Это сократило заработок, а извлечь прибыль из служебного положения стало сложнее. В подтверждение этому они вспомнили, что стюард точно так же пострадал от введения новых правил (а он на судне был единственным, кого устраивал капитан). Но на самом деле тоска стюарда могла быть вызвана немногочисленностью пассажиров, удручавшей человека, привыкшего прикидывать размер чаевых на месяц вперед. Для стюарда неудачным было все: время года, рейс, количество пассажиров. Так что разговор между четвертым и пятым помощниками был не более чем щебетом желторотых птенцов. В любом случае у капитана еще оставалась перспектива заработать – он собирал на борту всякие диковинки (с явной целью их перепродажи в Лондоне), но такого бизнеса устыдился бы и третий стюард, а для капитана это и вовсе было позором. Но он тщательно старался

подстраховаться. Четвертый и пятый помощники часто обсуждали все это и не раз делали намеки третьему помощнику и главному инженеру (те в ответ на это смеялись и подмигивали), а иногда и второму помощнику (тот подмигивал, но не смеялся). Так на борту расходятся слухи.

«Никобар» возвращался в родной порт с несколькими пассажирами, и, как я уже говорил, небольшим основным грузом и золотыми слитками стоимостью в 200 000 фунтов – золото, как обычно, должно быть выгружено в Плимуте. Эти слитки вызывали заметное беспокойство у второго помощника, ответственного за их хранение. Это был его первый рейс после того, как он был повышен с должности третьего помощника, и он не привык к ответственности за груз золота стоимостью в 200 000 фунтов. Старпом невозмутимо указал ему, что это не первая и не самая крупная партия слитков в мире. К тому же были предприняты все меры предосторожности, и ключи от хранилища находились в каюте капитана; так что он должен быть так же спокоен, как и все остальные вторые помощники, отвечающие за особые грузы на других судах. Но это не успокоило Брейсьера. В свободное от несения вахты время он суетился и ломал голову, размышляя над способами, посредством которых можно было бы добраться до хранилища со слитками. А будучи на вахте, он суетился еще сильнее, волнуясь, как бы кто не применил придуманные им хитроумные способы. И он не скрывал своих страхов и опасений. Он утомлял ими старпома, а когда тот сбежал, он объяснял все детали третьему помощнику.

– Не могу понять, – сказал он как-то раз старпому, – почему компания называет этот склад для консервов «слиткохранилищем».

– Чепуха! – отмахнулся старпом.

– Вас – тех, кто не несет ответственности, это вполне устраивает, – продолжил Брейсьер. – Но я совершенно уверен, что

что-то может случиться. Если не во время этого рейса, так во время другого. Поговорим о хранилище. Как оно устроено?

– Оно обшито железом толщиной 3/8 дюйма.

– Да, три восьмых дюйма – как копилка для шестипенсовиков. Да я бы вскрыл ее бабушкиными ножницами!

– Хорошо, возьми их у бабушки и дерзай! Я бы попробовал, если бы у меня была бабушка.

– Вот место, внизу, находится за пределами видимости и слышимости – угольный бункер. Он тих и удобен для любого, кто захочет провести тихий час за прорезанием железа. Там всегда пусто, ведь это всего лишь семитонный бункер, где нет нужды раскреплять груз. И это напротив кладовой стюарда. Что помешает стюарду незаметно набить карманы, вместо того, чтобы заниматься своей рутинной, а затем незаметно улизнуть в ближайшем порту? А еще есть корабельный плотник. Он постоянно пропадает где-то внизу, и у него при себе сумка с инструментами. Для него нет ничего проще, чем «поработать» в тихом уголке, продырявив лист обшивки.

– Но что он будет делать потом? Центнер золота не переправить на берег, спрятав его за подкладкой сапога.

– Действовать, конечно. Выбросить за борт в спокойном порту и запомнить место. Раз уж на то пошло, он мог бы бежать в Порт-Саиде (что может быть проще?) и собрать все сброшенное. Вы знаете, что собой представляет Порт-Саид? А еще есть кочегар... ох, да кто угодно может провернуть это! – И Брейсьер отошел, чтобы снова заглянуть в люк.

Дверь хранилища была заперта на английский замок по центру и на два висячих замка – один под, а второй над английским. Через день или два после вышеописанного разговора Брейсьер внимательно осмотрел и попытался отпереть нижний висячий замок, когда за его спиной раздался резкий голос:

– Сэр, что это вы делаете с замком?

Брейсьер вздрогнул и оглянулся. Это был капитан Макри.